

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Протоиерей Кирилл Копейкин

Протоиерей Герасим Павский (1787-1863): жизнь и труды

*Oпубликовано:
Христианское чтение. 2005. № 24. С. 67-93*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПБПДА
Санкт-Петербург
2013*

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕРАСИМ ПЕТРОВИЧ ПАВСКИЙ (1787–1863): ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

Актовая речь, произнесенная в СПбДА 10 октября 2004 года

«Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7), — пишет св. ап. Павел в послании к Евреям. И одним из таких наставников, стоящих у истоков традиции сегодняшнего академического богословия, является крупнейший отечественный гебраист, переводчик священного писания, выдающийся исследователь родного русского языка прот. Герасим Павский.

До наших дней сохранились самые теплые высказывания близко знавших его людей. Так, профессор духовной академии И. А. Чистович вспоминал, что о. Герасим Павский «своим характером и своей жизнью внушал доверие к людям и осуществлял лучшие, можно сказать, идеальные стороны человеческой жизни». «Г.П. Павский — честный, благородный, безупречный в своем поведении, без надменности и высокомерия, но и неспособный к лести, низкопоклонству, враг ханжества и лицемерия, — человек, так сказать, античный, с возвышенною душою»¹, — вспоминал профессор С.-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславов. Библиотекарь академии и видный церковный биограф А.С. Родосский характеризовал о. Герасима Павского «как великую силу в науке и литературе XIX века, как отлично-го богослова, как выдающегося патриота с великими качествами правды

¹ Ростиславов Д.И. Петербургская духовная академия до графа Протасова. // «Вестник Европы», 1872, № 9. С. 163.

и чести»², известный же историк М.П. Погодин считал его «умнейшим человеком своего времени»³. Даже известный своими антиклерикальными взглядами В. Г. Белинский утверждал, что о. Герасим Павский «один стоит целой академии. Его «Филологическими наблюдениями над составом русского языка» положено прочное основание филологическому изучению русского языка»⁴.

Родился Герасим Петрович Павский в 1787 году в Павском погосте Лужского уезда Петербургской губернии. Его отец, Петр Макарьев, служил там диаконом; позднее, в 1796 году, он был рукоположен в сан иерея и до старости нес послушание священника Павского погоста. Многограмотность он не отличался, но рано заметил незаурядные способности своего младшего сына, которого называл даже в шутку «профессором», когда тот подсказывал урок своему старшему брату, и понял необходимость отдать его в Семинарию⁵.

В 1797 году, когда маленькому Герасиму исполнилось 10 лет, отец привез его в Санкт-Петербург и отдал в Александро-Невскую семинарию, обязавшись платить за своего сына установленную плату, что стоило ему немалых хлопот и трудов. Именно там, в Семинарии, получил Герасим Петрович фамилию Павский – по месту своего рождения. Александро-Невская столичная семинария, располагавшаяся тогда в стенах Александро-Невского монастыря, в то время была одним из лучших духовных учебных заведений России, куда присылали способнейших учеников из провинциальных духовных училищ. К тому же и 1797 год – год поступления Павского – стал годом ее преобразования. По новому уставу наряду с традиционным для всех семинарий составом предметов здесь было определено преподавать еще углубленный курс богословия, философию, красноречие, еврейский, греческий, немецкий и французский языки.

Павский учился прилежно, особенно успевая в философии и богословии, много читал. Особенную любовь и необычайные способности обнаружил Павский к изучению языков: «в короткое время он узнал еврейский, греческий, латинский, немецкий и французский языки»⁶. Отличные успехи, трудолюбие и благонравие Герасима Павского обратили на себя благосклонное внимание начальства: еще до окончания семинарии он был определен учителем арифметического класса; митрополитом Амвросием за прекрасное окончание семинарского курса ему было обещано хорошее место в Луге. Однако будущий ученый решил избрать иной путь.

² Родосский А.С. Библиографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии. СПб. 1907. С. 343-344.

³ Там же. С. 344.

⁴ Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 7. М., Художественная литература, 1976-1982. С. 613.

⁵ См.: Свящ. С. В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 2-3.

⁶ Там же. С. 6.

В 1806 году Императором Александром I был утвержден проект реформы духовных учебных заведений⁷. Проведение в жизнь нового проекта началось с петербургского учебного округа, где в течение первых шести лет надлежало обустроить по новому плану академию, семинарию и духовные училища. По ограниченности места в новую академию зачислялись лишь выпускники семинарии, отличившиеся способностями к наукам и благонравием. В их числе, конечно же, оказался и Павский.

Реформа духовного образования остро поставила вопрос поиска новых преподавательских кадров. Первыми профессорами новой академии стали: по классу богословия – архимандрит Евграф (Музалевский), назначенный на должность ректора; по классу философии и еврейского языка – И.-Л. Фесслер, филологические науки изучались под наставничеством архиепископа Феофилакта (Русанова), математические – академика Гурьева. На должности бакалавров были назначены способнейшие преподаватели иных (провинциальных) семинарий, в их числе – иеромонах Филарет (Дроздов), будущий святитель Филарет Московский, иеромонах Евгений (Казанцев). 17 февраля 1809 года Санкт-Петербургская духовная академия была открыта; ректор архимандрит Евграф прочел публичную богословскую лекцию, а академик Гурьев – рассуждение «о математике и ее отраслях».

Согласно новому уставу академическая программа должна была «способствовать раскрытию собственных сил и деятельности разума в воспитанниках». Это как нельзя лучше соответствовало деятельной натуре Павского, обладавшего живым и острым умом. «Кроме догматического и нравственного богословия, которые преподавались и в семинариях, хотя в меньшем размере, велено было читать в академии еще полемическое богословие, священную и церковную историю и церковное красноречие. Особенно обширно читалась философия с ее историей, высшая математика и физика, для которой был устроен при академии хороший физический кабинет, впоследствии считавшийся одним из лучших в Петербурге. Весьма видное место в курсе занимали также словесные науки с эстетикою, гражданская - общая и русская история и языки: еврейский, греческий, латинский, французский, немецкий и английский»⁸. Сам ректор, архимандрит Евграф, отличался не только глубокими познаниями, но и незаурядным преподавательским талантом. К сожалению, 11 ноября 1809 года архимандрит Евграф умер, и, после недолгого ректорства архимандрита Сергея (Крылова-Платонова), во главе академии в марте 1812 года был по-

⁷ Чистович И. А. История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 181.

⁸ Свящ. С. В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 12.

ставлен архимандрит Филарет (Дроздов)⁹. Именно под его влиянием Павский стал особенно глубоко интересоваться изучением Священного Писания.

Для получения ученой степени магистра или кандидата богословия все студенты должны были по уставу представить сочинение, уровень которого давал право на получение той или иной степени. Павский избрал темой своего курсового сочинения книгу Псалтирь, рассмотрев ее исторически и филологически. Работа его «Обозреніе Книги Псалмовъ. Опытъ археологическій, филологическій и герменевтическій» оказалась столь основательна, что ее благословлено было прочитать на публичном экзамене, и по решению академической конференции в 1814 году она была опубликована¹⁰.

Новый устав предусматривал шестилетний срок обучения в академии. Однако, по предложению митрополита Амвросия, комиссией духовных училищ срок был сокращен до пяти с половиной лет¹¹, и в июле 1814 года Герасим Павский блестяще оканчивает академию, став первым магистром первого выпуска. Закончив Санкт-Петербургскую духовную академию первым магистром, Г.П. Павский мог рассчитывать на кафедру богословия, но вопреки ожиданию получил назначение на должность бакалавра по классу еврейского языка. Назначение это, впрочем, оказалось поистине промыслительным. Впоследствии именно метод сопоставления различных языков, разработанный о. Герасимом при исследовании языка древнееврейского, использует Павский и в своих «Филологических наблюдениях над составом русского языка», принесших ему славу выдающегося лингвиста, демидовскую премию и членство в академии наук.

В 1814 году Г.П. Павский был избран в члены академической конференции. В 1815 году Герасим Петрович вступил в брак с Евфимией Андреевной Грацианской, дочерью священника Андрея Андреевича Грацианского, с семьей которого Павский был знаком еще будучи студентом академии. Два месяца спустя он был рукоположен в сан иерея и определен в штат Казанского собора. Жену свою он очень любил, но, к сожалению, семейное счастье о. Герасима длилось недолго: Евфимия Андреевна была слаба здоровьем, непрестанно простужалась, и несмотря на то, что заботливый супруг приглашал к ней искуснейших врачей и отправлял в деревню к отцу для

⁹ Памятником академической деятельности свт. Филарета стали его «Записки на Книгу Бытія, руководствуєць къ разуменню письмен ея, и къ испытанню духа ея, при посредстве сличенія переводовъ съ подлинникомъ, мнений Св. Отець и толкователей, преимущественно же, ясныхъ, и собою другія объясняющихъ, месть самаго Священнаго Писанія», опубликованные в 1816 году.

¹⁰ Павский Г. Обозреніе Книги Псалмовъ. Опыт археологический, филологический и герменевтический. СПб., 1814.

¹¹ Последующие курсы были четырехлетние.

поправления здоровья, 6 ноября 1824 года, после целого года непрестанных болезней, вызванных холодным и влажным петербургским климатом, не-жно любимая супруга его скончалась. О. Герасиму в ту пору было только 37 лет, но он принял смерть жены со смиренной покорностью воле Божьей. Утешение он обрел в воспитании двух своих дочерей – Анны и Надежды – и в ученых своих занятиях.

По рассказам студентов, Павский был замечательным преподавателем. Учащиеся часто приветствовали своего наставника громкими выкриками одобрения и восторга. Один из его учеников так вспоминал свои академические годы: «Был в <...> Академии профессор еврейского языка, истинно пропочтеннейший Г.П. Павский. Несмотря на все алефы и беты, киуббуцы и патахи, гифилы и гафалы, он так умел сделать свои уроки занимательными, что студенты слушали их с большим удовольствием, нежели самые увлекательные науки, из которых многие были преподаваемы дельными наставниками»¹². Преподавая в течение 20 лет – с 1814 по 1834 год – в Академии древнееврейский язык, Павский подготовил не только многих замечательных наставников для провинциальных семинарий, но, что наверное, самое главное, во многих своих подопечных пробудил подлинную любовь к Слову Божьему.

Наставник Павского в академии профессор Горн значительно поднял уровень преподавания древнееврейского языка. Заступив на его место, Павский стал достойным продолжателем трудов своего учителя. Имеющиеся тогда в его распоряжении немецкие грамматики были написаны по-латыни тяжелым слогом. Потому-то, остро ощущая недостаток отечественных пособий для студентов, в 1818 году Павский составил первую российскую «Краткую Еврейскую грамматику обучающихся Священному языку въ Духовныхъ Училищахъ». В течение многих лет Грамматика прот. Г. Павского была едва ли не единственным пособием по начальному изучению древнееврейского языка в наших духовных учебных заведениях.

Примечательно, что молодой гебраист на своих уроках уделял большое внимание правильному чтению текста Священного Писания, попутно излагая грамматические правила, которые он стремился прояснить исходя из начал самого языка¹³. Такой подход органично укоренен в ветхозаветной традиции. Дело в том, что **для ветхозаветных иудеев Писание, Книга, была в первую очередь не текстом, но звучащим словом**. Показательно, что до сравнительно недавнего времени было не принято читать «про себя», **чтение** – это имен-

¹² Об устройстве духовных училищ в России. Т. И. Лейпциг, 1863. С. 182.

¹³ Для чтения в классе Павский избрал Книгу Бытия, – быть может, самую прозрачную из всех библейских книг по своей грамматической конструкции, на которую, к тому же, имелся превосходный комментарий свт. Филарета.

но *о-звук(ив)ание* текста¹⁴. Да и сам текст воспринимался, скорее, как набор мнемонических символов, загадочный шифр¹⁵, раскрывающийся лишь при условии принадлежности человека к передаваемой *из уст в уста* живой церковной традиции *возглашения слова Божьего*.

Свой особый интерес к древнееврейскому языку Павский объяснял потребностью как можно глубже вникнуть смысл Слова Божия. Во «Вступлении» к своей «Краткой еврейской грамматике для обучающихся священному языку в духовных училищах» Павский писал, что «желающему успеть в знании еврейского языка ... надобно одушевляться тою мыслью, что **глубокое сведение в священном языке ведет к глубокому и чистейшему ведению тайн священнейшего богословия**»¹⁶. Такой богословский подход Павского к языку Священного Писания, да и к языку вообще глубоко закономерен. Действительно, именно **язык есть то, в чем и посредством чего мы встречаемся с Богом**. Еще в традиции ветхозаветной **словесность, логосность, рассматривалась в качестве** существенной, сущностной черты человека¹⁷. Живой Бог, Личность, не может открыть Свой Лик безликой твари, и потому Он творит Себе собеседника по Своему «образу ... и подобию», по образу и подобию Бога-Слова (см.: Быт. 1, 26). **Человеческая личность** о-существляется в меж-личностных отношениях¹⁸, но **абсолютной** своей **о-существ-лен-**

¹⁴ Содержание, под-разумеваемое «в языке», первоначально вы-дых-алось, о-зучи-валось, а лишь много позднее было «интериоризировано». Примечательно, что «с этимологической точки зрения глагол думать изначально не принадлежал к ментальным глаголам. ... Православные *duma связывают с *dux-/*duх-/*dъх- и с *дъта, *dati, *dymati. Г. Якобсон установил следующее направление семантического развития слов. *duma : «дыхание» > «(произнесенное) слово», откуда затем значения «совет» и «мысль». ... Древнерусские думати имело значение «говорить, советуюсь», – т. е. вы-говаривать (вы-дыхать) потаенное в сердцевине своего духа (дыха) и с-равнивать его с другим мнением (Макеева И. И. Исторические изменения в семантике некоторых русских ментальных глаголов.– В сб.: Логический анализ языка. Ментальные действия М., 1993. С. 43).

¹⁵ «В мировоззренческом плане *диха*» («загадка», «энigma») – одно из самых ходовых и ключевых понятий средневековой теории символа, – свидетельствует С. С. Аверинцев. – Предполагалось, что существенное преимущество Церкви как держательницы «истинной веры» и состоит в том, что она в отличие от «неверных» знает разгадку: разгадку загадки мироздания, неведомому язычникам, и разгадку загадки Писания, неведомую иудеям. Вверенные ей «ключи царствия небесного» – это одновременно «ключ» к космическому шифру и к скриптуральному шифру, к двум видам «текста»: к универсуму, читаемому как энigmatическая книга, и к «Книге» (Библии), понимаемой как целый универсум *universum symbolicum* (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 141).

¹⁶ Краткая еврейская грамматика для обучающихся священному языку в духовных училищах. Ст.-Петербургъ, типография Н. Гречи, 1818. С. IX-X.

¹⁷ См. напр.: Эдельштейн Ю. М. Проблемы языка в памятниках патристики. – В сб.: История лингвистических учений. Средневековая Европа. Ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л., 1985. С. 157-207.

¹⁸ По Аристотелю человек есть «существо общественное», причем «общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные»; и «один только человек из всех живых существ одарен речью», а потому «только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» (Аристотель. Политика. 1253 а, 9-21. - Аристотель. Сочинения в 4х тт. Т. 4. М., 1983. С. 379), – иначе говоря, человеческая (словесная) сущность о-существляется лишь в со-общении с другими людьми, а потому **людьми не рождаются, а становятся**.

ности, сущ(ествен)ности достигает лишь в личном пред-стоянии Абсолютной Личности – Богу. О-по-средо-вание связи между человеческим логосом и Логосом Божества о-существ-ляется посредством **слова**, – Слова Божия («ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус», – 1 Тим. 2, 5) и ответного человеческого слова, сама возможность которого обусловлена богоподобием человека, его логосной динамической природой. «Иисус Христос есть Слово. Слово и язык как таковые – настаивает Х.У. фон Бальтазар. – Слово и язык Бога в слове и языке человека. Смертный человек как язык бессмертного Бога»¹⁹. **Слово** – это «про-из-ведение *Духа*», про-рыв-ающе-ся сквозь «составленные из воды и водою» (2 Петр. 3, 5) кожаные ризы (см.: Быт. 3, 21) человеческого естества. Воз-дых-ающий к Логосу Творца человеческий дух, прорываясь сквозь вязкое сопротивление плоти, про-из-водит то, что мы «на поверхности» нашего восприятия именуем «словом», «языком», «речью». «Человек как духовно-телесное творение уже есть язык Бога, обращение, которое может воспринимать самого себя в этом качестве и тем самым наделено способностью к ответу», – свидетельствует Х.-У. фон Бальтазар²⁰. Именно в этой способности отве-тствовать Богу, вступать в ди-а-лог с Ним – суть христианства.

Таким образом, интерес прот. Герасима Павского к Слову Божию и слову человеческому оказывается органично укоренен в традиции православного богословия. «Не язык (еврейский) был мне дорог, – говорил он, – а Священное Писание, чистое, неискаженное толкованиями; посредством знания языка я хотел дойти до верного толкования и понимания Священного Писания.

А известно, что *верное понимание* <...> его ведет к пониманию богословия²¹.

С 1815 года о. Герасим Павский начал принимать активное участие в работе библейского общества. Возникновение библейских обществ в начале XIX века явилось реакцией на широкое распространение антихристианских идей французской революции, охвативших Европу в конце XVIII столетия. 7 марта 1804 года состоялось первое учредительное заседание Британского и иностранного библейского общества (British and Foreign Bible Society), главной целью которого стало повсеместное распространение Библии. За первые 8 лет его существования было издано 500 000 экземпляров Библии и ее частей на 50 разных наречиях. Во многие страны посыпались агенты для учреждения там подобных библейских обществ. Один из них, Джон Патерсон, посетив Данию,

¹⁹ Бальтазар, фон. Х. У. Целое во фрагменте. Некоторые аспекты теологии истории. М., 2001. С. 268.

²⁰ Бальтазар, фон. Х. У. Целое во фрагменте. Некоторые аспекты теологии истории. М., 2001. С. 270. Собственно, Воплощение есть первая и безусловная цель творения, – а потому человек и творится в со-ответ-ствии с этой целью (см.: Прот. Георгий Флоровский. *Cur Deus Homo?* О причине Воплощения, – в кн.: Прот. Георгий Флоровский. Догмат и история. М., 1998. С. 151-164).

²¹ Барсов Н. Прот. Герасим Петрович Павский. – «Русская старина», 1880, № I. С. 128.

Швецию, Норвегию и Финляндию, в начале августа 1812 года прибыл в Петербург с целью издания Библии на финском языке и изучения возможностей открытия библейского общества в России. Через посредство главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий князя Александра Николаевича Голицына проект учреждения в России библейского общества был представлен государю. В тот самый день, когда жалкие остатки когда-то могущественной французской армии отступая перешли русскую границу, император Александр I подписал указ об учреждении библейского общества в России. Государь, искавший в тяжелые дни войны утешения и помощи в Священном Писании, увидел в этом особый знак Божий.

11 января 1813 года в доме князя А.Н. Голицына состоялось первое собрание общества, на котором присутствовали около сорока приглашенных значительных лиц, в том числе министры, сенаторы, члены Святейшего Синода. По прочтении записки о цели общества и императорского указа о его учреждении, общество было объявлено открытым и избран распорядительный комитет. Президентом общества стал князь А.Н. Голицын.

Библейское общество активно занималось издательской деятельностью. В 1818 году напечатано было первое издание славяно-русского Четвероевангелия тиражом в 10 тысяч экземпляров; оно быстро разошлось, и сразу же приступлено было ко второму изданию. В следующем 1819 году славяно-русское Четвероевангелие вышло уже третьим изданием, с присоединением к нему Деяний Апостольских и предисловия, предварительно прочитанного и одобренного государем. В 1821 году русский перевод всех книг Нового Завета был окончен.

С 1820 года начался перевод книг Ветхого Завета; для ускорения дела труд этот разделен был между тремя духовными академиями – Санкт-Петербургской, Московской и Киевской. Перевод делался с еврейского масоретского текста, который сверялся с греческим текстом септуагинты; использовались также немецкий и французский переводы. «Главным деятелем здесь был архиепископ Филарет, а за ним священник Г.П. Павский», – писал Н. Астафьев²². На долю Павского пришелся труд первоначального перевода Евангелия от Матфея²³. Сделанные переводы после предварительного просмотра в Академии выносились для окончательного рассмотрения на особый учрежденный при Библейском обществе *комитет*, состоявший из лиц духовного звания. На о. Герасима был возложен и труд подготовки к каждому заседанию *комитета* частей уже сделанного перевода. Павский сличал переводы с еврейским

²² Астафьев Н. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. СПб, 1889. С. 108.

²³ Ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии архим. Поликарп (Гайтанников) переводил Евангелие от Марка; бакалавр духовной академии архим. Моисей – Евангелие от Луки, ректор духовной академии архим. Филарет – Евангелие от Иоанна. Подробнее см.: Чистович И. История перевода Библии на русский язык. Ч. I. СПб., 1875. С. 37–49.

подлинником и текстом Септуагинты, так что перевод Пятикнижия Моисеева, Книг Иисуса Навина, Судей, Руфи и первой Книги Царств был, фактически, сделан под его редакцией. Вниманию комитета Павским был предложен еще прежде исполненный им перевод Книги Псалтирь, который также был одобрен и вышел в свет.

Деятельное участие Павского в работе Библейского общества не осталось незамеченным, и в 1818 г. из бакалавра он был произведен в профессора еврейского языка, а в 1821 г. возведен был на степень доктора православного богословия и высочайше награжден орденом св. Владимира 4 степени.

Выдающиеся способности и неутомимая деятельность Павского обращают на него благосклонное внимание священноначалия и на него возлагаются все новые и новые послушания. Еще в 1816 году о. Герасим был назначен на должность члена Комитета духовной цензуры, только что учрежденного при Санкт-Петербургской духовной академии. Много времени уделял он разработке поручаемых ему Комиссией духовных училищ различных методических вопросов преподавания в духовно-учебных заведениях и их инспектированию²⁴. В 1817 году открылась вакансия законоучителя незадолго перед тем основанного Императорского Царскосельского лицея. Прежде занимавший эту должность протоиерей Николай Васильев был направлен в Берлин для подготовления к миропомазанию великой княжны Александры Федоровны, невесты великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I. На его место был назначен Павский, находившийся, впрочем, на этой должности лишь несколько месяцев. С началом следующего учебного года Павский был вынужден отказаться от этой должности отчасти по удаленности Лицея от прочих мест служения, отчасти по состоянию здоровья. Но именно в течение кратковременного пребывания Павского в Лицее произошло его знакомство с Пушкиным, после которого поэт отзывался о нем как об «умном, ученом и добром священнике»²⁵.

В 1819 г. открылся Санкт-Петербургский императорский университет. Попечитель петербургского учебного округа С.С. Уваров, глубоко интересовавшийся Востоком и еще бытность свою дипломатом в Париже написавший заслуживший одобрение всей Европы «Проект азиатской академии в России», по своему возвращении на родину в 1810 году не замедлил познакомиться с выдающимся русским гебраистом и знатоком литературы Востока. Именно его пригласил он возглавить открытую при университете кафедру богословия, которую Павский занимал до своей отставки в 1826 году. «Назначенный в универ-

²⁴ Управление семинариями и духовными училищами Петербургского духовно-учебного округа тогда со-средотачивалось в Санкт-Петербургской духовной академии.

²⁵ Пушкин А.С. Полное собрание в 9-ти тт., т. IX. Л., 1937. С. 524-525.

ситет тотчас по его открытии, Павский читал студентам кроме положительно-го православного богословия (т. е. доктринального и нравственного), еще «Историю постепенного раскрытия религиозных понятий в человеческом роде»; это был предмет совершенно новый для России, и преподавание его Павским свидетельствовало в нем человека, выходившего из-под уровня даже лучших деятелей тогдашнего времени на поприще богословия», — писал о нем ординарный профессор по кафедре истории Востока В.В. Григорьев, составивший по поручению Совета университета подробную историю первых пятидесяти лет его существования²⁶. В университете о. Герасим прослужил восемь лет, и лекции его неизменно вызывавшие глубокий интерес, привлекали множество студентов, слушавших его, как и в Академии, с напряженным вниманием. С сожалением расставаясь со своим замечательным преподавателем, университет выразил ему свою признательность за понесенные труды присвоением звания почетного члена университета²⁷.

В 1826 году повелением императора Николая I о. Герасим был приглашен занять должность законоучителя наследника престола великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II. О. Герасим долго колебался, прежде чем принять это назначение. Наконец, он был представлен государю, повелевшему составить программу предполагаемых занятий. Через две недели написанная Павским программа «Христианское учение в краткой системе» и «Начертание церковной истории» была представлена на высочайшее рассмотрение, одобрена Государем, и с 30 августа 1826 года о. Герасим начал свои занятия с наследником российского престола.

Назначенный на высокую должность законоучителя наследника престола, Павский был освобожден от послушания настоятеля Андреевского собора на Васильевском острове и причислен к штату Большого собора зимнего дворца с тем, чтобы занимать там место непосредственно за духовником их императорских величеств, и в случае болезни или отсутствия духовника совершать службы в малой церкви зимнего дворца, где царская семья имела обыкновение молиться в воскресные и праздничные дни.

Живя при дворе и будучи человеком смиренным и скромным, Павский пользовался всеобщей любовью. Особенно близкие дружеские отношения связывали его с ближайшими коллегами — воспитателями наследника извест-

²⁶ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течении первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 25-26. «Из «объявления» на 1824 год, — продолжает он, — видим, что профессор Павский (получивший уже степень доктора богословия) излагал: а) историю новозаветной Церкви, руководствуясь «Церковной историей», изданной для духовных училищ; б) объяснял Псалтырь, Евангелие от Луки и Послание ап. Павла к Римлянам, давши предварительно подробное понятие вообще о книгах Ветхого и Нового Завета по «Руководству к чтению Св. Писания», составленному митрополитом Амвросием; в) систему христианского нравоучения» (С. 48-49).

²⁷ Свящ. С. В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 48.

ным поэтом Василием Андреевичем Жуковским и генерал-адъютантом Карлом Карловичем Мердером.

В 1827 году на Павского было возложено послушание обучать закону Божьему и великую княжну Марию Nikolaevnu; вскоре он был сделан духовником их царских высочеств. Впоследствии, когда великим княжнам Ольге и Александре исполнилось по семь лет, и они были поручены духовническому и катехизическому попечению о. Герасима. Все это свидетельствует о том глубоком доверии, которым пользовался прот. Герасим Павский у членов императорской фамилии. За время своего законоучительства он был высочайше награжден бриллиантовым наперсным крестом, алмазными знаками ордена св. Анны 2 степени, ордена св. Владимира 3 степени и двумя бриллиантовыми перстнями.

Для того чтобы у царственных его учеников были подходящие учебные пособия, о. Герасим собственноручно составил ряд руководств²⁸. Впоследствии из них были составлены две книги: «Христианское учение в краткой системе» и «Начертание церковной истории». Жуковский, заведовавший всем обучением наследника престола, так оценил законоучительство Павского: «Ваша религия — друг просвещения, такая именно, какая должна жить в душе Государя».

Однако, — пишет биограф Павского священик С. Протопопов, — «земное счастье человека всегда имеет свои пределы. *«Во многой мудрости многоя печали, и кто умножает познания, умножает скорбь»* (Еккл. 1, 18); Герасим Петрович собственным опытом изведал справедливость этого изречения древнего мудреца: много разного рода огорчений испытал он от того, что был умен и учен. Огорчения, эти неизбежные спутники почти всех даровитых людей, совершенно расстроили его некогда очень крепкое здоровье, и без того уже немало ослабленное теми непомерными трудами, которые соединены были с многочисленными его должностями»²⁹.

Именно написанные для наследника престола учебники «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе» стали поводом к обвинению Павского в неправоверии и неблагонамеренности и привели к драматическому завершению его придворной карьеры. Книги эти попали в руки некоторых высокопоставленных духовных лиц, и вскоре по рукам сталиходить примечания на них с указанием ошибок и недосмотров автора³⁰. Павский тотчас написал объяснения на указанные недочеты³¹, подчеркнув, что это лишь

²⁸ Некоторые из заметок по литургике были опубликованы в «Христианском чтении», лекции по церковной истории и общий обзор богословских предметов были изданы отдельным пособием для цесаревича и великих князей.

²⁹ Свящ. С. В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 55.

³⁰ Говорили, что автором этих примечаний был Московский митрополит Филарет; это мнение разделял и сам Павский.

³¹ Объяснения эти впоследствии были напечатаны в «Чтениях общества любителей духовного просвещения» за 1870 г., кн. II. С. 175-208.

заметки, предназначенные для домашнего употребления, не книга, ориентированная на широкую публику, но, скорее, корректурные листы, не в коем случае не претендующие на то, чтобы заменить собою катехизис. Слухи о неправоверии законоучителя царских детей дошли до императора Николая I, и о. Герасим «поспешил обратиться в 1835 году к государю с всеподданнейшою просьбою об увольнении его от всех занимаемых им должностей, тем более, что от огорчений усилились в нем припадки болезни, требующей продолжительного лечения, а вместе жизни тихой и спокойной». Снисходя на эту просьбу, государь уволил его, и в ознаменование своего всегдашнего благоволения к его заслугам, возложил на него драгоценный бриллиантовый крест, сохранив за ним все права и преимущества по службе. Для восстановления расстроенного здоровья Павскому дан был полугодичный отпуск, по прошествии которого он переведен был к более уединенной и спокойной церкви Таврического дворца³². Там, в Таврическом дворце, ему была предоставлена квартира, где он и проживал до самой своей смерти. За о. Герасимом по повелению государя была сохранена половина жалования, полагавшегося ему как духовнику и законоучителю их императорских высочеств, а также полное жалование профессора духовной академии. Императрица Александра Федоровна определила обеим дочерям Павского по 500 рублей пенсии в год до их замужества, а наследник престола и великие княжны пожаловали ему, с дозволения государя императора, свои портреты на молитвенную память о них.

Однако, с увольнением о. Герасима от должности духовника и законоучителя царских детей его неприятности не закончились. Вскоре началось так называемое «дело Павского» о литографировании переведенных на русский язык книг Ветхого Завета. После закрытия Библейского общества Павский продолжал заниматься библейскими переводами вместе со своими студентами. Ветхозаветные еврейские тексты переводились на русский язык и к 1834 году был сделан перевод всех учительных и пророческих книг. Студенты составляли конспекты, сверяли их и отбирали лучшие, а затем литографировали. В 1839 – 1841 годах отлитографированные конспекты использовались в качестве пособия для изучения еврейского языка.

В конце 1841 года киевский митрополит Филарет получил из Петербурга анонимное письмо, в котором Павский обвинялся в том, своими переводами он вводит читающих их чад Православной Церкви в соблазн, поскольку сделанные им переводы не содержат предсказаний о Божественном Лице Спасителя, в них содержатся места, в которых переводчик, по мнению анонимного доносчика, «усвояет Священным Писаниям мысли и слова, недостойные богодухновенных

³² Свящ. С. В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 57.

мужей и противные намерению их», и что, наконец, «сей новый Маркион» не уверен в подлинности многих частей Библии. Одновременно с письмом, направленным киевскому митрополиту Филарету аналогичное письмо получил и митрополит Филарет московский. В Святейшем Синоде создана была и вступила в действие комиссия, учрежденная для истребования объяснений от протоиерея Г. П. Павского, в состав которой вошли, помимо обер-прокурора графа Н.А. Протасова, митрополиты Филарет Московский и Филарет Киевский.

Комиссия потребовала от Павского дать письменные показания по поводу литографированных русских переводов. Отвечая на предложенные вопросы, Павский утверждал, что у него и в мыслях не было проповедывать что-либо противное учению Православной Церкви, что переводя Библию с еврейского языка он касался только филологической стороны перевода, не касаясь догматики, да и переводы эти, могущие служить лишь черновиками, литографировались без его ведома, что, наконец, он никогда не ожидал, что переводы эти выйдут за пределы ученого круга, где и смогут показаться подозрительными по своей неполноте.

В то время, как комиссия по делу Павского производила дознание о содержании и характере переводов, в Петербурге, Москве и Киеве особыми комитетами собирались сведения о степени распространенности литографированных библейских переводов. Выяснилось, что «пагубного влияния [этих литографированных переводов] не могло быть уже по одному тому, что о «нечестивом» переводе знали в России, за исключением столиц, весьма не многие, да и те только по слуху»³³. Дело следовало прекратить, и в своем определении от 7/10 марта 1844 года Святейший Синод признал Павского *неподлежащим ответственности* в литографировании неправильного перевода и участия в его распространении. Но поскольку в переводах, а особенно во введениях, оглавлениях и примечаниях есть места, не согласные с учением Православной Церкви, то Синод поручил присутствующему в Синоде архиепископу полтавскому Гедеону келейно испытать искренность раскаяния Павского и дождить о том Синоду с приложением собственноручного исповедания Павского и подписки о неуклонном исполнении им обязанностей звания своего до конца жизни.

После увольнения от всех занимаемых должностей Павский всецело посвятил себя научной деятельности. «Это время, начиная с 1835 года, — отмечает биограф Павского священник С.В. Протопопов, — было самым плодотворным в научной его деятельности. Нестесняемый служебными обязанностями, он написал массу статей для периодических изданий, составив, кроме того, огромное сочинение по филологии»³⁴.

³³ Свящ. С. В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 79.

³⁴ Там же.

Занятия древнееврейским языком как языком священным породили особый интерес к своеобразию своего собственного, родного языка. Павский углубляется в изучение русской речи, и занятия его увенчиваются созданием ряда монографий по филологии, среди которых «Материалы для объяснения русских коренных слов посредством иноплеменных» и «Филологические наблюдения над составом русского языка», вышедшие двумя изданиями (т. 1-3, 1841-1842 и 2-е изд., т. 1-4, 1850) и принесшие Павскому Демидовскую премию и академическое звание.

Интерес Павского к отечественной лингвистике органично укладывается в русло процессов, происходивших в середине XIX столетия. В 40-50-х годах XIX века русское языкознание оказывается перед необходимостью построения оригинальной, свободной от подражательности западно-европейским образцам грамматики русского литературного языка, в которой национальные особенности грамматического строя были бы осмыслены и описаны самостоятельно и полно.

В лингвистике, – так же, впрочем, как и во всякой другой науке, «объективирующей» предмет своего исследования, – язык изучается «со стороны», т. е. именно так, как мы изучаем язык иностранный, на уровне лексико-синтаксическом. И словарь, и грамматика считаются исходно заданными, и вопрос о их «происхождении» попросту не ставится. Такой подход, как отмечает Валентин Волошинов, вовсе не случаен: «свое слово иначе ощущается, точнее, оно обычно вовсе не ощущается как слово ... Родное слово – «свой брат», оно ощущается как своя привычная одежда или, еще лучше, как та привычная атмосфера, в которой мы живем и дышим. В нем нет тайн; тайной оно могло бы стать в чужих устах, притом иерархически чужих, в устах вождя, в устах жреца, но там оно становится уже другим словом, изменяется внешне или изъемляется из жизненных отношений ... Только здесь рождается «Слово», только здесь – *incipit philosophia, incipit philologia*.

Ориентация лингвистики и философии языка на чужое слово отнюдь не является случайностью или произволом со стороны лингвистики или философии. Нет, эта ориентация является выражением той огромной исторической роли, которую чужое слово сыграло в процессе создания всех исторических культур ... Ведь именно чужое иноязычное словоприносило свет, культуру, религию, политическую организацию (шумеры – и вавилонские семиты; яфетиды – эллины; Рим, христианство – и варварские народы; Византия, «варяги», южно-славянские племена – и восточные славяне и т. п.). Эта грандиозная организующая роль чужого слова ... привела к тому, что чужое слово в глубинах исторического сознания народов срослось с идеей власти, идеей силы, идеей святости, идеей истины и заставило мысль

о слове преимущественно ориентироваться на чужое слово»³⁵.

Однако, при *от-страненном о-писании* языка как принципиально чужого, иностранного, и *вы-членении* различных грамматических категорий, исследуемому материалу зачастую навязываются чуждые ему формы. Так, например, в лингвистике начала XIX века все языки укладывались в парадигму латинского языка. «Наша грамматика изобилует схоластикой и вовсе не применима к пониманию родного языка, — писал профессор Санкт-Петербургского историко-филологического института Н.П. Некрасов. — Язык рассматривается как труп, несмотря на предисловия, в которых авторы обещают обращаться с языком как с живым организмом»³⁶. «Настало время для науки, — писал К.С. Аксаков, — обратиться к самому русскому языку, ... и обратиться со взглядом ясным, без иностранных очков, с вопросом искренним, без приготовленного заранее ответа, — и выслушать открытым слухом ответ, какой дают русский язык, русская история и пр.»³⁷. *Попытки* такого «не-*от-стренного*», «органического», «естественного» *подхода к языку предпринимались в России славянофилами*. Наиболее значимыми следует признать опыты К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова, А.А. Потебни и других³⁸. Они стремились к постижению специфики воплощения «духа языка» в языковой стихии, пытались вывести методы описания языкового материала из самого языка, а не подвести его под универсальную схему. Славянофильские труды по истории русского литературного языка отличаются философичностью, тягой к постижению глубоких национальных основ грамматического строя русского языка, последовательным подчеркиванием тесной связи языка и мышления. В них лингвистическая теория неотрывна от общего социально-философского мировоззрения.

Дело в том, что **язык, как** справедливо *подметили славянофилы, есть* не только и не столько средство коммуникации, сколько *сила, пре-образ-ующая в-печат-ления мира внешнего в со-бытия внутреннего мира человека*. Бог, сотворивший мир Словом Своим, дает повеление человеку, созданному *по образу и подобию Бога-Слова, нарекать имена твари. Именя мироздание, обладающий словесным даром человек как бы со-бирает мир в себе чрез его имена, в-ключая его в тот мир (שָׁלֹם — «олам», мир как целостность бытия), что вложен в его сердце (см.: Еккл. 3, 11), а чрез себя — с своим Творцом. Силой, пре-образ-ующей «внешний космос» в собственность «внутреннего олама», о-словес-нивающей, о-логос-нивающей творение, является* та же самая *энергия логоса*, что порождает речь: она *есть не только сила, обуславлива-*

³⁵ Волошинов В.Н. Новейшие течения лингвистической мысли на Западе. — В кн.: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 207–208.

³⁶ Некрасов Н.П. Означении форм русского глагола. СПб., 1865. С.1.

³⁷ Аксаков К.С. О русских глаголах. — В: Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. т. 2. ч. 1. С. 411.

³⁸ См. напр.: Безлепкин Н. Философия языка в России. СПб., 2001. 390 С.

ющая возможность со-общения, она суть также сила, обуславливающая возможность восприятия внешних в-печатлений.

Собственно, функция именования состоит в опосредовании со-ответствия «внутреннего» и «внешнего миров». Деятельность (энергейа) по упорядочению хаоса восприятий внешнего космоса³⁹ в стройную гармонию⁴⁰ внутреннего олам'a⁴¹ есть деятельность логосная, языковая. Человеку не хватило бы жизни для познания всех частностей мироздания, если бы он не упорядочивал непрестанный по-ток внешних восприятий, не отливал его в подходящие внутренние формы. Языковые категории и являются таким инструментом упорядочения мира. *Порядок, воспринимаемый нами как порядок самого мира, есть, на самом деле, порядок, привносимый в него языком.* Действительно, ни лицо, ни субстанция, ни действие, ни качество не даны нам непосредственно, все это – категории языка. Мы говорим, например «идет высокий человек». Но разве это мы видим. В чувственном восприятии идущего человека, в том образе, что дается нам зрением, нам не даны ни субъект действия, ни его качество, ни само действие, – все это прибавлено мыслью, на-речено, о-словесно. Не случайно и само слово *вещь*, слав. *вещь* < *uek^u-tis, этимологически *есть* «высказанное», т. е. *освоенное языком и мыслью*⁴².

Показательно, что в античности, – и, прежде всего, у Платона, – *акт понимания, познания не отделяется от акта называния, именования:* различимые (умо-зримые) понятия, термины – это «категории» – κατηγορία. Изначально глагол κατηγορεύειν означал: «на агоре (ἀγορά) в открытом судебном разбирательстве не на жизнь, а на смерть, кому-то сказать, что он есть « тот, который»...». Отсюда и более широкое значение слова κατηγορία – что-то называть, по-именовывать как то-то и то-то, становясь при этом на открытое для всех место⁴³. То, что невозможно воплотить в речи, в слове, является аналогичным (ἄλογον), т.е. непознаваемым. Именно поэтому *грамматические категории легко отождествляются с самой реальностью, превращаясь в категории онтологические*.

Именно языковой, словесный мир является той «подлинной реальностью, в которой существует человек. Человек и слово нераздельны. Мы все время пребываем в словесной атмосфере – в раз-говоре с другими, с собой, с Богом. Человек живет в мире слов, и при всем желании не может выйти за

³⁹ Напомним, что греч. κόμος – «украшение», «наряд», «порядок», иначе говоря, структура, созерцаемая извне; термин этот происходит от глагола κομέω – «украшать», «приводить в порядок», «расставлять войско».

⁴⁰ Греч. ἀρμοία – «связь», «строй», «со-глас-(ован)ность».

⁴¹ Если греч. κόμος – от-страненно со-зерцаемый по-рядок, то евр. אָלָם, 'olam – «олам», мир как целостность бытия, происходит от корня 'lm – «быть скрытым», «скрываться» внутричего-либо.

⁴² См.: Краснухин К.Г. Слово, язык, речь, смысл. индоевропейские истоки. – В сб.: Язык о языке. М., 2000. С. 30.

⁴³ См.: Хайдеггер М. О существе и понятии fusis: Аристотель, «Физика» б-1. М., 1995. С. 44-45.

его пределы. «Человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык, – свидетельствует Гумбольдт. – <...> каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества. И только потому, что мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное представление о языке, мы не осознаем отчетливо и в полной мере, чего нам здесь удалось достичь»⁴⁴.

Язык как бы *от*-деляет человека от мира, – и от другого человека, – и лишь благодаря этому человек является человеком – личностью, способной сохранить свою неповторимую индивидуальность. Если бы основной функцией языка была бы *коммуникация*, – а именно в этом состоит предназначение «языка» животных⁴⁵, – то на всей земле уже давно был бы «один язык и одно наречие» (Быт. 11, 1). Действительно, «если бы коммуникативная функция была доминирующей на заре человечества, языки смежных и контактирующих групп с самого начала пошли бы по линии сближения, унификации и слияния, – отмечает В.И. Абаев. – Меду тем мы до сих пор видим, как самые мелкие и мельчайшие языковые группы с поразительной цепкостью держатся за родную речь, хотя коммуникативные нужды повелительно толкают их на путь языковой ассимиляции и объединения с соседями»⁴⁶. Именно в *о-по-средо-*вании языком взаимодействия человека с миром и другим человеком – главная функция языка. «Парадоксальное единство единения и отстояния составляет чудо языка.

⁴⁴ Гумбольдт В. Избранные труды по языкоznанию. М., 1984. С. 80-81. Ср. также: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. 288 С.

⁴⁵ «Человеческие знаковые системы уже на беглый взгляд отличаются рядом черт от тех знаков, которые животным и людям природа отнюдь не подает, – нет, которые они сами собирают в ней, – подчеркивал Б.Ф. Поршнев. – <...> В них бросаются в глаза, например, следующие особенности. Во-первых, *человеческие знаки в самом принципе заменимы*. Они не принадлежат обозначаемому как его *объективный признак*. <...> Во-вторых, *знаковую роль играют не только сами знаки, но и их нарочитое торможение* – выразительное отсутствие. <...> Пауза может быть «многозначительной»; в процессе внушиения пауза выполняет определенную психофизиологическую работу. Во всякой устной речи паузы несут значительную смысловую нагрузку, так же как в письменной – различные обозначения «препинания», т. е. паузы. Таким образом, *млчание* это не просто отсутствие речи, сплошь и рядом оно есть торможение или отмена речи или даже, можно сказать, *антиречь*» (Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 127-128). Если же иногда и можно встретить выскакивания, приписываемые животным наличие своего собственного «языка», то это не более чем метафора. «Испуганный гусак, видящий опасность и криком поднимаящий всю стаю, не столько сообщает ей о том, что он видел, а скорее заражает ее своим испугом» – подчеркивал Л. С. Выготский (Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. (Собрание трудов). М., 2001. С. 14).

⁴⁶ Абаев В.И. О происхождении языка. – Язык в океане языков. Новосибирск, 1993. С. 16.

ка», – отмечает Х.У. фон Бальтазар⁴⁷. Но языковое опосредование нашего взаимодействия с миром вовсе не «отгораживает» человека от мира, не лишает прикосновения к Истине, и языковое упорядочение впечатлений есть какое-то насилие над реальностью. Человек и мир со-ответствуют друг другу, ибо **мир** (עולם – «олам», мир как целостность бытия) **вложен Богом «в сердце» человека** (Еккл. 3, 11)⁴⁸.

Язык – поистине и человеческий, и вне-человеческий «объект». Язык по самой сути своей, по природе – лингвичен; он о-существ-ляет себя в со-общении с другим – и с Другим. Язык не «выдумывается» человеком, у него нет «автора» или «авторов» в привычном смысле слова⁴⁹, **язык – это плод бого-состворчества**, он возникает и развивается лишь в литургическом со-действии Творцу⁵⁰. Потому-то вся человеческая культура, – культура, существующая именно в языке и благодаря языку – имеет культовые⁵¹, литургические корни⁵².

Это хорошо понимали славянофилы, пытавшиеся вернуть культуру к ее литургическому истоку. Славянофилы разрабатывали методологию принципиально нового – «необъективирующего» – подхода к языку, стремились рассмотреть язык именно как родной, стремились к постижению специфики воплощения «духа языка» в языковой стихии, пытались вывести методы описания языкового материала из самого языка, а не подвести его под внешнюю универсальную схему. Славяноильские попытки построения самобытной русской философии языка наметили пути принципиально нового подхода не только к языкоznанию, но и к философии вообще. По существу, исследуя природу языка славянофилы пытались обнаружить глубинные законы мышления, ибо **язык есть тело мысли**. Приближение к постижению этих законов означало бы

⁴⁷ Бальтазар, фон, Х. У. Целое во фрагменте. Некоторые аспекты теологии истории. М., 2001. С. 247. Именно в языке, – продолжает он, – «власть живого человека сделала духом», так как в языке человек вступает в обладание сущностями в их истоке, в их бытии и тем получает квази-Божественную власть: предоставить им бытие. Это относится также к моментам, в которых он непосредственно не пребывает, т.е. к прошлому и к будущему, а также к тому времени, когда он прекратил свое бытие как конечное существо» (Бальтазар, фон, Х. У. Целое во фрагменте. Некоторые аспекты теологии истории. М., 2001. С. 247-248).

⁴⁸ Вот как поэтически передает переживание единства внешнего и внутреннего миров Р.М. Рильке: «Единое пространство, там, вовне, / И здесь, внутри. Стремится птиц полет / И сквозь меня. И дерево растет / Не только там: оно растет во мне. / И все живет слиянностью одной ...».

⁴⁹ «Язык в целом и в каждой своей отдельной части есть произведение всего человеческого рода», – писал В. фон Гумбольдт в письме видному лингвисту Карлу Фердинанду Беккеру. – Он имеет свою основу и в организме всего человечества, из свойственных его природе разделений и смешений он и происходит. Общество является необходимым условием возникновения языка, который иначе не образуется. Поэтому язык во всех своих частностях и возникает по всем законам, направляющим формирование человеческого общества» (Из писем Вильгельма фон Гумбольдта. Пер. С. Окропилзе. «Иностранная литература», 1989, № 11. С. 237).

⁵⁰ Лейтору́ша есть, напомним, «со-делание» с Богом.

⁵¹ Напомним, что cultura – причастие будущего времени от cult.

⁵² «Культура, как свидетельствуется этиологией, есть производное от культа, т. е. упорядочение всего мира по категориям культа, – пишет о. Павел Флоренский. – Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура» (Свящ. П. Флоренский. Сочинения в четырех томах. т. I. М., 1994. С. 39).

начало перехода от противоположения живого мыслящего субъекта мертвому статичному объекту к согласованию и гармонизации человеческого способа бытия с тварным бытием, к обретению человеком словесной, логосной власти над тварью. Можно сказать, что славянофилы пытались **взглянуть на мир «изнутри» – изнутри языковой целостности**. Только встав на эту позицию, – позицию не **противо-стояния** миру, но **пред-стояния** ему, **во-влеченности в бытие** – можно преодолеть разорванность субъект-объектного подхода и, свернув с пути **пре-одоления** мироздания, стать на путь его **пребывания**.

Прот. Герасим Павский может быть по справедливости назван предтечей славянофильского движения. Методы компаративистики, традиционно использующиеся для отстраненного анализа языка, Павский применил к его внутренней реконструкции. Русский язык стал изучаться им *как родной*: в его трудах язык представлен в *антропологической перспективе*, где совмещены точки зрения носителя и исследователя. Такая позиция становится конструктивным фактором: язык осмысливается через интуицию его носителя, а не через внеположное ей знание ученого, он рассматривается не столько в аналитическом ключе, как материал, сколько в аспекте языковтворчества – целостно, как мир, моделирующий сознание и поведение носителей языка.

Собственно, язык уникален в том смысле, что его можно увидеть изнутри; все остальные «объекты»⁵³ мы видим лишь снаружи, а потому знаем не «их самих», но лишь наши модельные (т. е., в конечном итоге, языковые!) конструкции. Один только **язык дан нам непосредственно**. Именно поэтому его можно попытаться разглядеть «изнутри». Но это оказывается чрезвычайно сложным, ведь наша языковая деятельности кажется нам столь естественной, что мы не способны от нее отстраниться и описать ее со стороны, – так же, как не можем мы объяснить, как мы ходим: движение это столь естественно и столь сложно, что всякая попытка детально описать его оказывается обречена на провал. «Попробуйте-ка задать собеседнику вопрос: как он говорит? – и тот, скорее всего, просто покажет плечами. В лучшем случае он задумывается над тем, ч т о сказать, а уж к а к – это происходит вроде бы само собой. Говорить – это как дышать, как жить: просто, естественно, безусловно ..., – подчеркивает Б.Ю. Норман. – В самом деле, мы обращаем внимание на язык только тогда, когда сталкиваемся с какими-то аномалиями или слоями в его функционировании (примерами могут служить ошибки, искажающие текст, иноязычная, непонятная нам речь, акцент или дефект речи, общение глухонемых и т. п.). В другое время мы его, что называется, «в упор не слышим»⁵⁴.

Именно таким «аномальным способом функционирования языка» являет-

⁵³ Заметим, что *objektus* – это «противопоставление», «противоположение», «противостояние».

⁵⁴ Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994. С. 4.

ся поэтическая речь. Сложнейшая **фонетическая инструментовка поэтической речи**⁵⁵, – звуковые повторы гласных (ассонансы), согласных (аллитерации, консонансы, парономазия), слов (редупликации), словосочетаний и синтаксических конструкций (параллельные конструкции, хиазмы), ударений (размер, метрика), – **заставляет** нас, как бы споткнувшись о непривычный способ произнесения, **обратить внимание на характер связи между звуком и смыслом**. Именно в поэтическом – звучащем! – слове сильнее всего выявляется тот факт, что «смысл не безразличен к своему телу, ... **материя языка еще не язык, но она и не безразлична к языку**, что доказывается сознательной фонетической инструментовкой поэтической речи при помощи аллитераций и ассонансов. **Эта инструментовка была бы бессмысленной и попросту не замечалась бы, если бы звук был безразличен для смысла и случайно склевывался бы с ним**, – подчеркивают А.М. Камчатнов и Н.А. Николина. – Сознательное усиление природы [точнее, – энергии, – К.К.] слова путем аллитераций возможно только потому, что и само слово, его смысл, неслучайным образом инструментовало себя именно в эти звуки»⁵⁶. И не случайно что **слова воплощенного Слова** именно таковы: евангельские логии Иисуса по-арамейски, – т. е. именно так, как они звучали для учеников Христа, – **тончайшим образом фонетически инструментованы**⁵⁷. Привычные нам, давно находящиеся «на слуху» и в силу этого легко «проскаивающие» мимо сердца евангельские речения в обратном переводе на арамейский обнаруживают тончайшую звуко-смысловую нюансировку, начинают играть неожиданными оттенками смысла⁵⁸.

Именно из-за того, что в поэтическом слове связь звука и смысла, воплощаемого посредством звука, наиболее ярко выявлена, в православной богословской традиции бого-слово и бого-мыслище чаще всего воплощалось именно в **поэтической** форме. Именно таково богословие святых, заслуживших преимущественное именование *Богословов* – свт. Григория Богослова, прп. Симеона Нового Богослова, и конечно же прежде всего – св. ап. и ев. Иоанна Богослова, которого Церковь в своих литургических песнопениях именует *Богодвижимою цевницею небесныхъ пений*⁵⁹. «Если по выражению Писания смерть и пагуба в мрачном жилище своем *слышат славу премудрости* (Тов. 28, 22), то человек и в ниспадении своем в бездну тления не совсем отчужден от созерца-

⁵⁵ См. напр.: *Порттер Л.Г.* Симметрия – владычица стихов: Очерк теории поэтических структур. М., «Языки славянской культуры», 2003. 256 с.

⁵⁶ Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. М., 2000. С. 30.

⁵⁷ См. напр.: *Black M.* Die Muttersprache Jesu. Das Aramäische der Evangelien und der Apostelgeschichte. Stuttgart-Berlin-Köln-Mainz, 1982.

⁵⁸ См.: *Иеремиас И.* Богословие Нового Завета. Часть первая. Провозвестие Иисуса. Пер. А.Л. Чернявского. М., 1999. С. 36-45.

⁵⁹ Богодвижимая цевница небесныхъ пений, тайнописецъ сый, Богосказанныя уста, пение песней поеть красно, устне бо движка яко, струны, якоже бряцало язык движка, и молится спастися намъ (Стихира на Господи возввахна Великой вечерни 26 сентября).

ния света невечернего. Богокружил мраком престол Свой от недостойных очей, но и сквозь сей мрак *нередко* благость *являет лицо Свое блуждающему вне отечества сыну неба, и сквозь занесу времени нередко просиявает ему вечность*, — писал прот. Герасим Павский в своем «Обозрении Книги Псалмов». — При сем небесном явлении человек дышит новою жизнью, чувствует себя на природной земле, в природном воздухе. Тогда мысли его чисты, святы, божественны; чувствования живы, сильны, небесны; слова возвыщены, пленяющи, прекрасны. *Тогда он Поэт* в лучшем знаменовании сего слова. В странах неведомого Бога поэзию именовали *языком богов*, там, где ведом Бог истинный, *истинная Поэзия есть язык пророков*⁶⁰. Не случайно и.-евр. корень *uat[h]—, относящийся к процессу поэтического вдохновения, означает также состояние возбуждения, вдохновения и даже экстаза. От этого корня, напомним, происходит и слов. veti(ji) — «вития», «оратор», и глагол vetiti — «знать», «ведать».

Примечательно, что в святоотеческой традиции языковое устройство понималось в соответствии с устроением человека. Как человек состоит из души и тела, являющегося ее символом, — символом в том изначальном смысле, что вы-явлен-ная, часть символа, является не просто подобием сокрытой, но ее дополнением до целого, — так и в языке *звук представляет собою тело, а значение — душу звука*⁶¹. «Сходство между языком и человеком обнаруживается и в том, что означающее языкового знака, согласно патристике, обязательно имеет, как всякое тело, какие-то измерения, оно непременно существует во времени и пространстве, может быть расчленено на составляющие его элементы, тогда как означаемое не существует ни во временной, ни в пространственной протяженности, ... не может быть делимо на элементы, — подчеркивает Ю.М. Эдельштейн, — ... В языковом знаке нельзя установить однозначное соответствие между элементами означаемого и означающего. И в человек, и в языковом знаке целое не есть простая механическая сумма элементов, значение целого не выводится из суммы значений составляющих, знание об элементах не дает познания целого, неадекватно ему»⁶².

В трактате «О количестве души» бл. Августин пишет: «... если само название состоит из звука и значения, звук же относится к ушам, а значение к уму, то не полагаешь ли ты, что *в названии, как бы в некотором одушевленном существе, звук представляет собою тело, а значение — душу звука?* ... мо-

⁶⁰ Павский Г. Обозрение Книги Псалмов. Опыт археологический, филологический и герменевтический. СПб., 1814. С. 6-7. «Поэзия ... есть дар небесный ... Раздавателями этого дара были боги: у греков — Зевс и Аполлон, у германцев — Воутан и Браги, у финнов — Вейнемейнен, у славян может быть — Велес, так как в Слове о полку <Игореве> певец Боян назван «Велесовым внуком»» (Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 401-431).

⁶¹ См.: Бл. Августин. О количестве души. — Бл. Августин Творения, ч. 2. Киев, 1879. С. 402.

⁶² Эдельштейн Ю.М. Проблемы языка в памятниках патристики. — В сб.: История лингвистических учений. Средневековая Европа. Ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. — Л., 1985. С. 165-166.

жет ли звук имени быть разделен на буквы, меж тем как душа его, т. е. его значение, не может?.. Ну, а когда этот звук разделится на буквы, удерживает ли он ... свое значение? Ну, а *когда с разделением звука на буквы теряется значение ... делается нечто похожее на то, что бывает, когда из растерзанного тела уходит душа*, и ... с названием случается как бы некоторый род смерти»⁶³. Подобно тому, как человек не есть лишь механическая сумма своих членов, так осмысленный звук не есть лишь сумма колебаний воздуха. Поистине, «*соединение смысла со звуком* ... – тайна, – отмечают А.М. Камчатнов и Н.А. Николина, – причем *одна из величайших тайн, подобная тайне соединения души и тела*»⁶⁴, – не загадка, не секрет, но именно *тайна*. По меткому же выражению В.С. Непомнящего, «тайна – это не количество, а качество, не сумма и сложность, а целостность и простота. В тайну невозможно проникнуть, ею можно только проникнуться, и это уже проблема не ученая, а духовная. В сущности, любая простая истина заключает в себе тайну». *Тайна* не может быть просто «раскрыта», она *требует сопричастности и соучастия*. И если «разгаданная загадка, раскрытый секрет исчезают как таковые», то «тайна остается тайной даже тогда, когда мы созерцаем ее лицом к лицу»⁶⁵, а в случае языка – изнутри.

Замечательно, что свт. Григорий Палама, подчеркивая превосходство человеческой природы над ангельской и состоящее в том, что в человеке соединяются дольнее и горнее, земное и небесное, усматривает его и в человеческой словесности. По мысли святителя, – отмечает архим. Киприан (Керн), – «произнесение человеком слова и надписание его на хартии дает богословскому уму ключ к символу. *Невидимое и неосозаемое до этого слова, как и Слово Божие до Его вочеловечения, становится видимым, осозаемым после произнесения или написания, как и Слово, воплотившееся в тело человеческое*. Письмена на хартии или облеченные в звуки человеческого голоса мысль, выражая образно «внутренний разум», становятся в процессе говора «произнесенным словом» или, еще точнее, при воплощении в письменные знаки «словом воплощенным». *Говор и письмо для святоотеческого символического реализма таинственно отображают Боговоплощение*. При каждом произносимом слове, при каждом начертываемом на бумаге «писалом человеческим» письменном знаке символически отображается и напоминается духу человеческому таинство Боговочеловечения»⁶⁶.

⁶³ Бл. Августин. О количестве души. – Бл. Августин Творения, ч. 2. Киев, 1879. С. 402.

⁶⁴ Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. М., 2000. С. 29.

⁶⁵ Непомнящий В. Ведение в художественный мир Пушкина. – В сб.: Непомнящий В. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М., 2001. С. 67.

⁶⁶ Архим. Киприан (Керн). Антропология свт. Григория Паламы. М., «Паломник», 1996. С. 345.

Подход о Герасима к лингвистическим исследованиям был в подлинном смысле слова богословским: он искал, как мы бы сейчас сказали, способа постижения воплощенной в звуке энергии человеческого логоса. Наделяя человека даром слова, Бог вручает ему силу, возносящую его над всем остальным творением. Бог творит мир Словом Своим, «называя несуществующее, как существующее» (Рим. 4, 17), а человек, созданный «по образу и подобию» (Быт. 1, 26-27) Творца, и потому способный нарекать имена (Быт. 2, 19-20) твари, своим словом со-гласо-вывает способ бытия твари с ее логосом и тем самым воз-в-ращая творение Творцу.

Зачастую «образ» и «подобие» воспринимаются как своего рода статичный «оттиск» Бога в человеке. Между тем, *декларируя богообразность и богоподобие человека, билейский текст* говорит не о «форме» божьего «отпечатка» в нем, но *свидетельствует о его энергийной, «действовательной» природе*. Как замечает В.Н. Лосский, «еврейские выражения *selem* и *d'mut* под влиянием приставок *ve* и *ke*, что означает «по образу Нашему как и подобию Нашему», не имеют положительного и прямого смысла *как* *εἰκόνα ἡμετέραν καὶ αὐθόμοισιν* перевода Семидесяти толковников. Сотворение человека «по образу Бога» в контексте священного повествования книги Бытия дает человеку господство над миром животных [т. е. способность к действованию, – КК], аналогичное господству Бога над всей тварью»⁶⁷. Заметим, что и в славянском языке термины *образъ* и *подобіе* также *подразумевають энергийное сходство*: *образъ* означает «то сходство, следуя которому каждому предмету или явлению может быть подобран его символ»; что же касается термина *подобіе* «в нем заключено представление о человеческих действиях и деятельности, которые мыслятся надлежащими, подобающими при соотнесении их с выраженной таким образом волей и силой Бога, а потому одновременно и сходными»⁶⁸.

С точки зрения православной традиции, именно в языке, являющемуся специфическим (как мы бы сейчас сказали – видовым) свойством человека, выражается его уникальная личность, сотворенная по образу и подобию Бога-Слова. Можно сказать, что человеческий *язык – это энергия его личности, проявление сущности через движение, в котором сущность выявляет, обнаруживает богатство своего природного содержания*⁶⁹. Св. Григорий Нисский говорит, что «ум, наподобие смычка *касаясь голосовых* членов, ... как опытный музыкант <...> мусицирует <...> касаясь одушевленных <...> *органов, через их звуки явными делает сокровен-*

⁶⁷ Лосский В.Н. Богословие образа. – «Богословские труды», 1975. № 14. С. 106.

⁶⁸ См.: Чернышова М.И. «По образу и подобию ...». В сб.: Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 219.

⁶⁹ Свящ. Олег Давыденков. – Понятия «сила» и «энергия» в святоотеческом богословии. – В кн.: Свящ. Олег Давыденков. Велия благочестия тайна: Бог явился во плоти. М., 2002. С. 16.

ные мысли⁷⁰. Св. Иоанн Дамаскин, подводя в «Точном изложении православной веры» итог семивековому периоду развития православного богословия (во введении к своему труду он отмечает, что не намерен вносить ничего своего, но лишь изложит добытое трудами других), пишет: «Внутреннее слово (ένδιάθετος λόγος) есть движение души, происходящее в той части, которая рассуждает, без какого либо восклицания; поэтому <...> мы все и – разумны (λογικοί) <...> Слово же произносимое (λόγος профорикός) получает свою силу (ένέργειαν – букв. «**появляет свою деятельность**») в звуке и разговорах <...>; и оно есть веснник мысли. Поэтому же мы и называемся одаренными способностью речи (λαλητικοί)»⁷¹. «Душа не была и не есть прежде ума, ни ум прежде слова, рождающегося от него, но в один момент все три имеют бытие от Бога, и **ум рождает слово, и чрез него изводит и являет вне желание души**», – свидетельствует прп. Симеон Новый Богослов⁷².

В Новое время концепция энергийная концепция языка обрела свое воплощение в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, заложившего основы современного языкоznания, современной философии языка. Именно Гумбольдт четко сформулировал тот факт, что язык – это не просто знаковая система коммуникации, состоящая из словаря и грамматических правил ее организации, **язык – это** прежде всего **энергия, обуславливающая о-существленность (энтелехию) коммуникации**, порождающая саму эту коммуникативную систему. «Язык не есть продукт деятельности (эргон – ἔργον), а деятельность (энергия – ένέργεια)», подчеркивал он⁷³. «В языке, – настаивал Гумбольдт, – действуют творческие первоислы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать»⁷⁴.

Энергийность языка чрезвычайно ярко видна в перформативных высказываниях, т. е. высказываниях, являющихся не сообщениями, а **действиями**⁷⁵. Явление **коинциденции**, т. е. «**со-в-падение слова и действия**», подмеченное и теоретически истолкованное Э. Кошмидером еще в 1929 г. в работе «Временное отношение и язык»⁷⁶, привлекло к себе внимание лингвистов лишь

⁷⁰ Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. Пер. В.М. Лурье под ред. А.Л. Верлинского. СПб., 1995. С. 26–27.

⁷¹ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Пер. А. Бронзова. Кн. 2, гл. ХХI. СПб., 1894. С. 93. Св. Иоанн Дамаскин почти дословно повторяет рассуждения «О внутреннем слове и слове произнесенном» Немезия Эмесского, приведенные в XIV главе его фундаментального компендиума «О природе человека» (см.: Немезий Эмесский. О природе человека. Пер. Ф.С. Владимиরского, ред. М.Л. Харьков. М., 1998. С. 74).

⁷² Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 61. – В кн.: Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2. Пер. еп. Феофана. М., 1890. С. 94.

⁷³ Гумбольдт В. Избранные труды по языкоznанию. М., 1984. С. 70.

⁷⁴ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 365.

⁷⁵ См. напр.: Остин Дж. Слово как действие. – В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.

⁷⁶ Koschmieder E. Zeitbezug und Sprache: Ein Beitrag zur Aspektung Tempusfrage. Leipzig; Berlin, 1929.

во второй половине XX века после публикации работ Дж. Остина. Примером перформативных высказывания являются, например, высказывания «каюсь», «благословляю», которые не являются сообщением о чем-то (и потому не имеют истинностного значения), но сами являются *действиями* (в отличие, скажем, от высказываний типа «он каётся», «он благословляет», которые могут быть истинными или ложными)⁷⁷. Внимательный взгляд на язык позволяет заметить, что даже «неперформативные» высказывания на самом деле носят скрытый перформативный характер. Так, например, скрытый перформативный компонент высказываний «он каётся», «он благословляет» состоит в подразумеваемом «я утверждаю, что он каётся», «я утверждаю, что он благословляет»; только в силу этой подразумеваемой перформативности высказывание вызывает реакцию слушающего⁷⁸.

Наивысшей «степенью перформативности» обладают сакральные тексты, – и, в первую очередь, **тексты литургические**, тексты, в которых, собственно, в подлинном смысле о-существ-ляется со-действие⁷⁹ слова со Словом, – тексты, главное предназначение которых состоит не в том, чтобы донести какую-либо *информацию*, но в том, чтобы воз-действовать на человека и изменять его. «Евангелия – это не кропотливо составленный сборник «изречений» (логий), – говорит Х.У. фон Бальтазар, – <...> слова указывают не в горизонтальном направлении, друг на друга, но вертикально – в глубину постоянно пребывающего Логоса»⁸⁰. Потому-то, имея в виду «действовательную силу» Писания, свт. Григорий Богослов говорит: «И язык и ум непрестанно упражняй в Божиих словесах! А Бог, в награду за труды дает или видеть сколько-нибудь сокровенный в них смысл, или, что еще лучше, приходить в сокрушение при чтении великих заповедей чистого Бога»⁸¹.

Таким образом, глубоко закономерно, что *именно исследование текстов Священного Писания подвело Павского к постижению деятельностной, энергийной природы языка, выявляемой в звуках*, подобно тому, как душевная жизнь выражает себя в телесных проявлениях. Но именно новаторство данного подхода и обусловило то, что признание научных заслуг Павского произошло слишком поздно. К сожалению, – отмечал А.Ф. Лосев, – «теории языка и имени вообще не повезло в России. Прекрасные концепции языка,

⁷⁷ См. напр.: *Бенвенист Э.* Аналитическая философия и язык. – В кн.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 301–310.

⁷⁸ См.: *Дэйвисон А.* Лингвистическое или прагматическое описание: размышления о «Парадоксе Перформативности». – В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 235–269.

⁷⁹ Еще раз напомним, что по своему буквальному смыслу *λειτουργία* есть «со-действие» с Богом.

⁸⁰ *Бальтазар, фон, Х.У.* Целое во фрагменте. Некоторые аспекты теологии истории. М., 2001. С. 270.

⁸¹ Свт. Григорий Богослов. Творения, т. 2. СПб., б/г., С. 132. См. также чрезвычайно интересную работу: *Беляков А.В.* Первый псалом. «Православный путь». Церковно-богословско-философский ежегодник. Джорданвилл, 1990. С. 85–115.

вроде концепций К. Аксакова и А. Потебни [а они, как уже отмечалось выше, шли по стопам Павского, – *К.К.*], прошли мало заметно и почти не повлияли на академическую традицию⁸². Тем не менее, они не минули бесследно. Как отмечала П. Педерсен, «стремление Г.П. Павского к изоморфному описанию фонетики и морфологии, основанному на принципе позиционного анализа, и обращение к синхроническому изучению морфологии русского глагола дают нам основание считать автора «Филологических наблюдений» основоположником того формального [на наш взгляд правильнее было бы сказать – *энергийного*, – *К.К.*] направления в русском языкоznании, которое представлено трудами К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова, Ф.Ф. Фортунатова. Задолго до А.А. Потебни и Бодуэна де Куртене Г.П. Павский показал, что грамматическая форма есть значение (функция), а не звук; за несколько десятилетий до введения термина «способ действия» Б. Дельбрюком Г.П. Павский разделил описание глагольного вида от описания протекания действия. Поиск общего грамматического значения для суффиксов с одинаковой позицией – первый шаг к формулировке инвариантных грамматических значений с целью наметить грамматические противопоставления. **Континуитет этой лингвистической традиции**, блестяще развитой Пражским структурализмом, **не прекратился и в современном языкоznании**⁸³.

В 1844 году за свой труд «Филологические наблюдения над составом русского языка» прот. Герасим Павский получил полную Демидовскую премию⁸⁴ от Императорской академии наук, а в 1859 году отделение русского языка и словесности академии избрало его своим действительным членом. К сожалению, получивший столь высокую формальную оценку труд Павского оказался мало понят его современниками. После избрания в члены Академии о. Герасим заметил: «Вот чудаки, не делали академиком пока работал, а сделали, когда я уже не в силах продолжать свои ученые занятия и оказываюсь никуда негодным»⁸⁵.

В последние годы своей жизни прот. Герасим Павский до такой степени страдал ревматизмом, что порой едва мог передвигаться по своей квартире. Единственным утешением его стала забота двух дочерей – Надежды, после смерти своего мужа, известного архитектора Мальгина, целиком посвятившей себя заботам о престарелом отце, и Любови. В 1855 году здоровье о. Герасима ухудшилось настолько, что он был уже не в силах продолжать службу в церкви Таврического дворца. и подал прошение об увольнении на покой. Государь

⁸² Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 237.

⁸³ Пирника Пенкова (Педерсен). Первая классификация русских глаголов с применением позиционного анализа. – ИАН СССР, ОЛЯ, №4, 1976.

⁸⁴ См.: Тринадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1844.

⁸⁵ Свящ. С.В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 104.

Император Александр II в ознаменование своего благоволения к бывшему наставнику и духовнику уволив от службы при Таврическом дворце сопричислил к Большому собору Зимнего дворца, оставил за о. Герасимом полное содержание и преимущества по службе, а позже, по случаю своей коронации, пожаловал золотой крест, украшенный бриллиантами. В 1863 году на масленице о. Герасим простудился и к концу Великого Поста, чувствуя, что земная его жизнь уже на исходе, исповедался и причастился Святых Христовых Тайн. Исповедовавший его настоятель Скорбященской церкви протоиерей П.Ф. Велецкий говорил впоследствии, что «ему никогда в жизни не случалось встречать человека, который бы с таким христианским смирением и чувством глубокого раскаяния приступал к таинству исповеди и причастия». Наконец, на Святой неделе 7 апреля 1863 года протоиерей Герасим Павский мирно отошел ко Господу.

Панихиды по о. Герасиму совершил protопресвитер Василий Бажанов; вечером 9 апреля тело усопшего было перенесено в церковь Таврического дворца, а 10 апреля после Божественной Литургии митрополитом Санкт-Петербургским Исидором в сослужении киевского митрополита Арсения, рижского архиепископа Платона, protопресвитера В.Б. Бажанова, protопресвитера В.И. Кутневича и множества столичного духовенства было совершено отпевание о. Герасима, после которого останки его были похоронены на кладбище Императорского Фарфорового завода. До нынешнего дня могила его не сохранилась.

Как отмечал в своем биографическом очерке свящ. С.В. Протопопов, «личность Герасима Петровича, как человека вообще, была самая простая, детски-доверчивая и искренно-любящая все высокое и благородное. Он как будто воспитался и жил не между людьми, а между какими-то особенными, совершенными существами <...> до Герасима Петровича как будто не коснулось ничего, что порочит и извращает человеческую природу, и, несмотря на постоянные сношения с разного рода людьми, при его многообразной общественной деятельности, он до конца жизни сохранил чудные природные свойства души, не потеряв даже детского доверия к людям⁸⁶. <...> Честолюбие, этот обыкновенный двигатель общественной деятельности, – не находило в нем для себя места: одно только желание общественной пользы одушевляло его. Вот почему деятельность Павского оставила такие глубокие следы, которых история никогда не вычеркнет со своих страниц»⁸⁷.

Протоиерей Кирилл Копейкин,
секретарь Ученого совета СПбДА,
кандидат богословия.

⁸⁶ Свящ. С.В. Протопопов. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб., 1876. С. 1.

⁸⁷ Там же. С. 2.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии
www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»
www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.